

Katarzyna Vitkovska
Gdańsk

Экономика постперестроечной России в постмодернистских романах Виктора Пелевина

Магическая экономика. Экономика глазами литератора. См. также Экономика¹.

Экономикой называется псевдонаука, рассматривающая иллюзорные отношения субъектов первого и второго рода в связи с галлюцинаторным процессом их воображаемого обогащения. С точки зрения этой дисциплины каждый человек является клеткой организма, который экономисты древности называли маммоной. В учебных материалах фронта полного и окончательного освобождения его называют просто ORANUS (по-русски — «ротожопа»). (...) С точки зрения экономики задача каждой из клеток маммоны — пропустить как можно больше денег внутрь мембраны и выпустить как можно меньше наружу².

Образ современной России в романах Виктора Пелевина обладает ярко выраженными постмодернистскими чертами. Одной из областей жизни российского социума, которую он изображает в этих мировоззренческих и формальных категориях является экономика. Культура постмодернизма сильно изменила модернистскую по своей сути экономику демократических стран³, на ново определила ее роль и задачи в постсовременном обществе. Оказывается, что в начале XXI века не так уж важны повышение производства или постоянная борьба классов за собственность, намного важнее распределение

¹ А. Балод, *Иронический словарь А Хули (по Пелевину)*, Сетевая словесность, <http://www.netslova.ru/balod/axyli.html>

² В. Пелевин, *Generation П*, Москва 2003, с. 128-129. В дальнейшем цитаты из романов Виктора Пелевина будут воспроизводиться непосредственно в тексте статьи при помощи соответствующих сокращений заглавий и с указанием страницы в конце. Это будут: ЧП — *Чапаяев и Пустота*, Москва 2004; ГП — *Generation П*, Москва 2003, ДПН — *Диалектика Переходного Периода из Никуда в Никуда*, Москва 2007, СКО *Священная книга оборотня*, Москва 2004, EV — *Empire V*, Москва 2007, Т — Т., Москва 2009.

³ Интересные исследования об этом можно найти в работе Д. Силичева, *Постмодернизм: экономика, политика, культура*, Москва 1998, с. 23-37.

и потребление этой собственности. В наше время борьба идет прежде всего за доступ к экономической информации⁴.

В России эта необыкновенно сложная ситуация представляется гораздо сложнее. Хотя Виктор Пелевин пытается описать русскую экономическую действительность с большой дозой реализма, а даже художественно обработанных исторических сведений и социологических данных, то его постмодернистская точка зрения приводит в его романах к феномену, который можно определить магической экономикой. Она полна невероятных событий, алхимических процессов, мифических героев, сказочных артефактов, но в то же время она до боли знакома жителям восточной Европы.

На подверженную определенным разумным правилам область жизни, какой ведь считается экономика,⁵ писатель смотрит по-своему: для него это пространство обмана, имморализма и нестабильной онтологии. В романе *Чапаяев и Пустота* рэкетир Володин объясняет соратникам иллюзорную натуру экономики с помощью свойственно понимаемой философии Платона и Аристотеля: „Был главный небесный автомобиль, (...) по сравнению с которым твой шестисотый «мерседес» — говно полное. Этот небесный автомобиль был абсолютно совершенным. (...) И все земные машины, разумеется, являются просто его искаженными отражениями в тусклом и кривом зеркале бытия. (...) Но кроме первообраза и отражения, сказал Аристотель, есть еще одна вещь. Тот материал, который принимает форму этого автомобиля. Субстанция, обладающая самосуществованием. Железо, как ты выразился. И вот эта субстанция и сделала мир реальным. С нее вся эта ебаная рыночная экономика и началась. Потому что до этого все вещи на земле были просто отражениями, а какая реальность, скажи мне, может быть у отражения?» (ГП, 150-151). Если отбросить сатирический и деконструкционный характер этого фрагмента, то остается важное онтологическое замечание автора, которое он будет развивать в ряду более поздних произведений: экономика и связанное с ней потребление опирается на неидеальной, несовершенной, материальной субстанции, которая является основой предметов, но человеческое мышление о них основывается на нематериальных мечтах, воображениях, эмоциях. Конфликт этих двух элементов и составляет рыночные отношения и современное потребительское сознание.

Так понимаемая экономика исследуется в пелевинской прозе с помощью деконструкции базисных ее правил, иронических итогов на тему ее русско-

⁴ Там же, с. 31.

⁵ С перспективы последнего мирового финансового кризиса экономика уже не кажется так понятной и подверженной созданным человеком правилам. См. интервью Яцека Жаковского с Франсисом Фукуямой (Jacek Żakowski, *Rozmowa z Francisem Fukuyamą. Koniec pewnej historii*, „Polityka”, 2010 № 43, <http://www.polityka.pl/swiat/rozmowy/1509374,1,rozmowa-z-francisem-fukuyama.read>).

го варианта, постоянного подчеркивания автором ее абсурдности и неподвижности. Например, суть романа *Числа* заключается именно в неспособности определить логические правила русского финансового сектора. Пелевин предлагает в этом произведении следующую метафору: „Эпоха и жизнь были настолько абсурдны в своих глубинах, а экономика и бизнес до такой степени зависели от черт знает чего, что любой человек, принимавший решения на основе трезвого анализа, делался похож на дурня, пытающегося кататься на коньках во время пятибального шторма. Мало того, что у несчастного не оказывалось под ногами ожидаемой опоры, сами инструменты, с помощью которых он собирался перегнуть остальных, становились гирями, тянувшими его ко дну. Вместе с тем, повсюду были развешены правила катания на льду, играла оптимистическая музыка, и детей в школах готовили к жизни, обучая делать прыжки с тройным оборотом” (Ч, 31). Оказалось, что „коньки” экономических теорий Запада не спасали во время русского хозяйственного шторма, бессмысленными были не только эти теории, но также построенные на западной модели законодательство и экономическое образование.

Поэтому русскую экономическую ситуацию конца XX века автор называет „мутью”, что в каком-то смысле отвечает гносеологическим установкам постмодернизма. Он описывает ее с нескрываемым сарказмом: „В финансовом пространстве России оседала муть, в которой раньше могли кормиться небольшие хищники вроде «Санбанка». Все становилось прозрачным и понятным. Серьезные денежные реки, попетляв по Среднерусской возвышенности, заворачивали к черным дырам, о которых не принято было говорить в хорошем обществе по причинам, о которых тоже не принято было говорить в хорошем обществе” (ДПН, 65). Это возможно метафора ситуации, когда большие деньги, заработанные на нефти, газе и угле, быстро исчезали в карманах правителей, вкладывались в империалистские политические проекты власти, чтобы в итоге достаться лидерам националистских группировок в локальных зарубежных военных конфликтах (например в Чечни или Афганистане). Пелевин не боится затрагивать сложные и неоднозначные вопросы и критически к ним относиться, но чаще всего он смягчает смысл своих высказываний юмористическим контекстом или формулировкой. Примером этого может быть экономическое озарение Татарского, который „покудив однажды очень хорошей травой, (...) случайно открыл основной экономический закон постсоциалистической формации: первоначальное накопление капитала является в ней также и окончательным” (ГП, 35). Особенности русской экономики, стремящейся к свободному рынку, но все же еще обремененной советскими обычаями, в исследуемой прозе обычно сопровождаются любопытными социологическими или культурологическими наблюдениями.

Очередной отличительной чертой русского капитализма, является взяточничество (более распространено, чем в западных странах), каждый акт кото-

рого — это ведь продажа своего доброго имени. У Пелевина оно упоминается несколько раз. В *Чапаеве и Пустоте* Семен Сердюк дает милиционеру деньги только за то, чтобы этот отстал и позволил ему спокойно лежать в подвале на Нагорном шоссе (но тот взяв деньги, не дает ему покоя, а в конце концов помещает его в психбольнице). В *Generation П* взятку принимает партийный бюрократ, от которого зависит заключение контракта на продажу Пепси Кола в России. В *Empire V* Рама разоблачает высокого чиновника правительства, живущего на взятки, но притворяющегося, что у него много предприятий. Итоговое высказывание об этом феномене принадлежит лисе, которая рассказывая подруге о России, с грустью признает, что: „тут каждый ставит на этом пути свой шлагбаум, который поднимает только за деньги. И суть здешнего общественного договора заключена именно в таком подъеме шлагбаумов друг перед другом” (СКО, 101). Становится ясно, что Пелевин конечно сурово оценивает явление взяточничества, но одновременно осознает, что это конститутивная составляющая русской деловой действительности, русской культуры общения, русского менталитета, обязательный его элемент, как пьянство, баня и самодержавие.

Все эти реалии в какой-то мере части того хозяйственного хаоса, который отличает Россию от Запада и даже Востока, того абсурда, который не позволяет большой и богатой сырьем стране спокойно и свободно развиваться, того непонятного в других странах менталитета, который, еще с времен Достоевского, в состоянии следовать принципу „чем лучше тем хуже”⁶. Пелевин рассматривает этот принцип с постмодернистской иронией и находит массу примеров в русской деловой действительности — как в маркетинге, так и в рекламе, как в банковском секторе, так и в нефтяном. Одним из них можно считать одновременно комическое и трагическое высказывание Ханина о причинах заказов реклам русскими бизнесменами. Наставник Татарского утверждает, что их мотивация совсем другая, чем в Америке, где просто хотят товар продать. Его опыт показывает, что дело в абсурдном и патриархальном, но реальном понимании имиджа успешного предпринимателя: „теперь клиент хочет показать большим мужчинам, которые внимательно следят за происходящим на экране и в жизни, что он может взять и кинуть миллион долларов в мусорное ведро. Поэтому чем хуже его реклама, тем лучше. У зрителя остается ощущение, что заказчик и исполнители — полные кретины, но (...) хоть он и полный кретин, а бизнес у него так идет, что он может пустить в эфир любую байдю много-много раз” (ГП, 155). Пелевин, по многим биографическим источникам

⁶ Понятие, популяризованное в известном политическом смысле в *Униженных и оскорбленных* и *Дневнике писателя*, но в наше время его использовал в качестве заглавия А. И. Каменев в своей весьма эмоциональной статье о состоянии России в эпоху Бориса Ельцина, опубликованной на сайте „Искусство войны”, http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich/chemhuzhe-templuchshe.shtml

бывший рекламщик, сознательный постмодернист, улавливает механизмы, движущие поведением, вкусом и желаниями русского бизнесмена и окружающей его финансовой среды. Он показывает, как в его стране богатство человека связано с его возможностью уничтожить большие суммы денег, а не, как подсказывает логика, размножить их. С этой точки зрения, русские деловые отношения становятся более менее понимаемыми исключительно в контексте той части философии постмодернизма, которая утверждает возрастающую значимость симулякра имиджа, постоянное расширение гиперпространства в массовой культуре, переоценку ценностей в обществе потребления.

И хотя, как доказывает Пелевин, и что подтверждает современная социология, такая летаргическая модель функционирования социума серьезно ему вредит (ибо хомо запенс из *Generation II* в принципе уже не человек), то с хозяйственной точки зрения, она полезна для экономики, поскольку усиливая потребление, она повышает оборот денег, позволяет больше заработать увеличивающейся группе людей. То, что это не производство материального товара, а навязывание желаний, только вписывается в постмодернистские тренды времен глобализации. Автор просто пытается их обозначить и осмыслить в контексте своей философии. Он прежде всего подчеркивает, что современный бизнес имеет совсем другую натуру, чем раньше — он виртуальный.

Суть экономики, основанной на таком бизнесе объясняет Татарскому Ханнин: „это бизнес, в котором основными товарами являются пространство и время. (...) Ты посмотри, ведь страна уже давно ничего не производит. Ты вообще делал хоть один рекламный проект для продукта, произведенного в России? ” (ГП, 155). Хотя время и пространство, как учит Эммануил Кант, это субъективные формы чувства, априорные формы сознания, то современные маркетологи ухитрились их продавать. Эти категории в постмодернизме скорее понимаются согласно тезисам Эйнштейна: время в теории относительности тесно связано с пространством, течет по-разному в разных системах отсчета и может искривляться. Относительность природы этих физических величин позволяет принять теорию возможности существования разных времени и пространств. Их примером (не рассматриваемым, правда, Эйнштейном) является время-пространство СМИ, где время может быть эфирным, а пространство рекламным. Пелевинский Ханнин очень просто соединяет эти категории: „одна минута эфирного времени в прайм-тайм стоит столько же, сколько две цветных полосы в центральном журнале. (...) деньги и есть четвертое измерение” (ГП, 156). Оказывается тогда, что на таких эфемерных и совсем не материальных основах держится и развивается сегодняшняя русская экономика. При этом важно подчеркнуть, что Пелевин показывает, что не только такие проницательные умы, как рекламщики, понимают не совсем реальный ее характер. В *Generation II*, это понимают практически все, даже новые русские, то есть бандиты-бизнесмены. Один из них, по кличке Вовчик

Малый, связывает это с привязанностью России к эталонам Запада. Он считает, что „все потому, что мы у них на пансионе. Их фильмы смотрим, на их тачках ездим и даже хавку ихнюю едим. А сами производим, если задуматься, только бабки... Которые тоже по всем понятиям ихние доллары, так что даже неясно, как это мы их производить ухитряемся. Хотя, с другой стороны, производим же — на халяву-то никто не дал бы... Я вообще-то не экономист, но точно чувствую — дело гнилое, какая-то тут лажа зарыта” (ГП, 109-110). Интуитивное понимание Вовчика, что при производстве денег, производится иллюзия, согласная с современной философией. Обнаруживается тогда, что большинство героев Пелевина, этим и занимаются. Например, Степа в позднюю горбачевскую эру торговал компьютерами, то есть машинами для производства симулякров, а как банкир занимался операциями на виртуальных деньгах. Поэтому можно сказать, что его предприятия включались в постмодернистскую тенденцию поглощения реальности гиперпространством (если говорить языком Жана Бодрийера). А Хули, хотя в другом, более сказочном смысле, создает волшебным хвостом и продает эротические иллюзии. Вампиры же скорее исследуют, чем рождают, миражи, возникавшие в человеческом мозге во время производства баблоса. В романе *T.* возвращается этот своеобразный топос пелевинского творчества — группа героев пишет книгу, изобилующую симулякрами героев, мест и событий, а потом придумывает компьютерную игру, которую можно считать апогеем процесса производства несуществующих миров.

В экономическом мире, основанном на иллюзии, часто непонятны причины изменений, неизвестны закулисные игры, неосознанны мотивы действий власти. Это постмодернизм, в котором все плавное, быстро, но незаметно изменяющееся, и *last but not least*, противоречивое: „Главная особенность российского экономического чуда — делится с Татарским своим открытием Ханин — состоит в том, что экономика опускается все глубже в жопу, в то время как бизнес развивается, крепнет и выходит на международную арену” (ГП, 156). Диалектическое развитие русского хозяйства обусловлено прежде всего пропастью между богатым центром и бедной провинцией, между богатыми олигархами и убогим обществом. Однако реальным развитием государства никто этого не считает, ведь оно тоже опирается на временных и ненадежных, можно даже сказать симулятивных основах эпохи постмодернизма: изменяющихся ценах нефти, неизвестно каких финансовых ресурсах бывшей партии СССР и кредитах от международных банков.

Пелевин фиксирует эти постмодернистские экономические и социологические перемены, когда „потребление опережает производство, деньги замещаются кредитом — симулякром собственности”⁷. На их основе писатель

⁷ Н. Маньковская, *Эстетика постмодернизма*, Санкт-Петербург, с. 59-60.

создает метафору (цитированную в эпиграфе) общества как гигантского организма Орануса (по-русски Ротожопы) клетки которого — это неосознающие своей роли пассивные консументы. Сегодня эта метафора уже не кажется следованием Орвеллу, а скорее примером художественного алармизма, основанного на пронизательном понимании современных экономических перемен и умения представить, куда эти перемены ведут. Писатель правильно, с психологической точки зрения, утверждает, что среднестатистический гражданин цивилизованной страны это одновременно Джекилл нормального человека и Хайд потребителя, переходящий из одной формы в другую под влиянием рекламы в телевидения. Поэтому экономику, касающуюся Орануса, составленного из консументов, и правда можно назвать псевдонаукой, рассматривающей призрачные отношения субъектов и Маммоны. Маммона, Оранус и современное общество отождествлено в философском монологе духа Че Гевары из *Generation П*. Можно сказать, что в этом месте Пелевин превзошел себя во всех постмодернистских эстетических и философских установках: деконструкции, иронии, эклектике и критицизме современной культуры. В этом высказывании левый латиноамериканский революционер при помощи разных метафор и смеси многочисленных постструктуралистских философем объясняет тогда еще неопытному Татарскому натуру современного общества в контексте буддизма, который считает действительность иллюзией.

Очередной особенностью русской экономики, с точки зрения Пелевина, являются ее связи с политикой и преступной средой. Хотя опять можно сказать, что такая черта присуща экономическим системам и других стран, но в России она принимает более глубокий, исторический, этический и масштабный характер. Все эти три области русской жизни перед перестройкой контролировались центрально, то есть в принципе функционировали в пределах одной системы. После перестройки связи между ними ослабились, но не прервались. Пелевин демонстрирует героев, которые одновременно бизнесмены и бандиты — так следовало бы определить Вовчика Ницшеанца, Владимира Володина (*Чапаяев и Пустота*), так Морковкина по ладоням определил Татарский, так надо рассматривать личности Пугина и Азадовского, Гусейна, (*Generation П*), Саракандаева и Лебядкина (*ДПН*), Михайлыча (*Священная книга оборотня*), и других, менее значительных героев его романов. Они все — люди умные, пытающиеся развиваться духовно, хоть не всегда ученые. Но зато их относительное богатство, постоянные разборки, в которых они принимают участие, а также физическое и социальное насилие, которое они применяют к окружающим их людям и которое испытывают они сами — это основные элементы их жизненного опыта.

Очередным примером связи русской экономики и преступной среды, которая показывается как некий определитель ее общего развития, является феномен „крыши” — незаконного, но вездесущего обмена защиты перед бандитами

на довольно большие суммы долларов (хотя перед бандитами хранит не кто иной, как другие бандиты)⁸. Пелевин это явление описывает с разных сторон. В *Generation П*, в русском периоде первоначального накопления, набрасывает его возникновение: „Время от времени к ларьку подходили начинающие бандиты и ломающимися голосами требовали денег за свою крышу. Татарский устало отсылал их к Гусейну” (ГП, 19). Поскольку эти времена характерны наличием преступных группировок, происходящих из южных стран бывшего СССР, то массовая культура обильна образами, в которых охраной каждого бизнеса занимались в основном их члены. Они устраивали уличные войны за клиентов, они убивали друг друга во все более жестоких разборках, им, как говорят неофициальные анализы, в конце концов подчинилась, хотя и временно, русская мафия вместе с силовыми структурами⁹. Писатель фиксирует эти времена и процессы в своих текстах, рассказывая о них языком участника действий: „А потом [позвонили — К.В.] из кавказского землячества. Пронюхали, гады, что коммерсант освободился. Как акулы. По запаху крови. Так что вопрос стоит теперь чисто конкретный. Черножопые крышу дают реально, а мусора просто деньги тянут. Чтоб на стрелку поехали, надо все сапоги им вылизать. Но грохнуть могут те и эти. А мусора, между прочем, особенно. Как они на меня сегодня наехали... Мы, говорят, знаем, что у тебя бриллианты. А какие у меня бриллианты? Скажи, какие?” (ГП, 219-220). Здесь представлен период, когда кровавые и не соблюдающие никаких правил Чеченцы в пух и прах разбивают русских братков, но когда постепенно растет конкурентная сила в этой области — ФСБ. Об этом между прочим говорится в романе *Числа*. Тот этап развития деловых отношений в России у Пелевина определяется иронически почти научным термином: парадигматический сдвиг. Смена парадигмы может и изменила уровень страхования бизнеса, может и лишила его национального колорита, но его механизмы остались прежними. В качестве примера может послужить история отца Кики Нафикова, который был убит поэтому, что „взял за яйца серую лошадку», чего делать не следовало, поскольку «крыша в углу кусается». Кика, пораженный колдовской силой русского языка, который он знал немного хуже английского с французским, не стал углубляться в подробности” (ДПН, 287). То есть, Насратуллу Нафикова, отца Кики убили, поскольку отказывался от фээсбешной крыши и воевал с „силовиками”. Введение в речь преступников

⁸ В принципе можно сказать, что эта свойственная для России форма зарабатывания денег развивается собственным внутренним усилием. Многие русские тексты массовой культуры (хотя кажется, что кино чаще всех) рассказывают историю бандитов, которые начали с „крышования”, чтобы в конце концов зарабатывать на нефти и баллотироваться в политики (например, хотя бы культовый сегодня фильм *Бригада*).

⁹ См. итог журналистского расследования убитого в 2004 году главного редактора русского издания Форбс Пола Хлебейкова *Крестный отец Кремля Борис Березовский или история разграбления России*, (Москва 2000 <http://www.rusidea.org/?a=415000>).

интертекстуальных фольклорных фраз как будто снимает ужас рассказанного события, однако эта перифраза все-таки поражает Нафикова, пугает своим звериным смыслом. Такая игра словами у Пелевина — это проявление его постмодернистской открытости на язык, но также умение жонглировать жаргоном, тем самым усиливая впечатление от жестокости произошедшего.

Автор в состоянии так излагать сведения о героях, что на их основе можно многое узнать о функционировании финансов в России. Хорошим примером является характеристика очередного персонажа из *Чисел*, владельца Дельта банка: „Еще про Сракандаева было известно, что в свободное от работы на главного клиента время он занимался тем, что помогал надежно уводить из страны деньги — но проценты за это брал огромные, около пяти-шести. Кроме того, ходили слухи, что в бурные девяностые он заказал нескольких человек — но доказательств, естественно, не было” (ДПН, 150). Отмывание денег и заказные убийства людей — даже если это только городская легенда — строят надлежащий имидж Сракандаева: он человек надежный, отважный, а даже по своему жестокий, в конце концов он занимается деятельностью вне закона, а это вселяет почтение. Он оказывается настолько силен, что, когда Степа попадает в беду (отвергнутая женщина украла ему со счетов гигантскую сумму денег), может попросить его о помощи. Тогда обнаруживается, что человек, который через финансовые предприятия на Багамах уводит грязные деньги под семь процентов, и у которого даже ФСБ наводит справки о финансовых террористах, может и попытаться вернуть украденную и переведенную за границу, сумму, но тоже за определенный процент.

Подытоживая вопрос современной русской экономики в пелевинских романах, необходимо повторить, что автор осмысливает ее типично постмодернистским способом — пользуясь деконструкцией, интертекстуальностью, и приемами массовой литературы. Его описания этой сферы имеют эклектический и сильно иронический характер. Постмодернистское мировоззрение заметно тоже в экономических и общественных теориях, которые писатель воплощает в свои тексты, но прежде всего, в созданной атмосфере хаоса и абсурда в русской экономике. Автор оказывается наблюдательным летописцем, хорошо чувствующим суть и направление экономических перемен, а также их влияние на общество потребления. Однако нельзя не обратить внимания на то, что пелевинские идеи фикс тоже в какой-то степени влияют на его общую картину — особенно его критицизм, касающийся насилия власти и непреодолимое ощущение иллюзорности реальности, в том числе и экономической. Эти факторы создают именно такую интерпретацию экономической эволюции в пелевинской прозе, которую Балод называет магической экономикой¹⁰.

¹⁰ См. прим. 1.

SUMMARY

**Economy in the post-perestroika Russia
in Victor Pelevin's postmodern novels**

The following text is an attempt at an analysis of the passages from Victor Pelevin's novels which are about a difficult and peculiar development of the Russian economy after the fall of the USSR. Pelevin describes the economic changes employing typical tools of this tendency, i.e. literary deconstruction, critical irony and intertextual allusions, in order to explore the modern culture. A peculiar represented world is created with their help. On the one hand, it contains a considerable amount of realism, achieved through a description of events and historical processes, sociological phenomena and related changes in the individual and collective psyche. On the other hand, fictional elements, such as incredible or mythical characters, who act in a nonsensical or comical manner, as well as almost alchemical financial processes, have a strong presence. The writer's theories explaining the absurdity and the unpredictability of the Russian economy are so fantastic that his way of describing it has been called magical economy.